

Научная статья

УДК 338.2

JEL R10, R11, R58

DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-126-141

Инклюзивное развитие Кузбасса: опыт оценки

Юрий Абрамович Фридман¹, Галина Николаевна Речко²
Екатерина Юрьевна Логинова³, Ольга Алексеевна Исупова⁴
Александр Григорьевич Пимонов⁵

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

¹yurifridman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3120-7197>

²rgn.kem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-4051>

³katrin.2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2743-3653>

⁴rinozerus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7200-9475>

⁵pag_vt@kuzstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9615-1895>

Аннотация

Статья посвящена проблеме оценки инклюзивного развития экономики Кемеровской области – Кузбасса, единственного в России углепромышленного региона, где угледобыча формирует до трети ВРП и около 40 % доходов консолидированного бюджета региона. Многочисленные представители самых разных научных школ на протяжении 70 лет отслеживают тренды социально-экономического развития этой территории и пытаются оценить ее перспективы. В последние годы в отечественной науке все большее распространение получает инклюзивный подход к оценке эффективности развития субъектов РФ. Однако нам не известны работы, в которых были бы даны количественные оценки инклюзивного развития Кузбасса не только как отдельного региона России, но и как единственного углепромышленного кластера. В настоящей статье предпринята попытка количественно оценить уровень инклюзивного развития Кузбасса в период 2005–2020 гг. Для этого за основу авторы взяли методику ВЭФ и адаптировали индикаторы Inclusive Development Index для расчета регионального индекса инклюзивности, используя общедоступные статистические показатели. Результаты проведенных расчетов показывают: в 2005–2020 гг. ни рост промышленного производства, и в том числе рост добычи угля, ни стимулирование жилищного строительства, ни проекты в сфере научно-технологического развития не привели в Кемеровской области к росту индекса инклюзивного развития. Одновременно доказано, что индекс инклюзивности в Кузбассе существенно ниже аналогичных показателей развития соседних регионов Сибири, в том числе и обладающих сходной структурой экономики. Это может служить признаком неэффективности действующей модели и используемых инструментов развития Кузбасса. Доказанное авторами отсутствие инклюзивного роста кузбасской экономики на протяжении последних полутора десятков лет ставит под сомнение возможность реализации в Кемеровской области программ ускоренного роста и совершение рывков в инклюзивном развитии в горизонте как минимум 10–15 лет. Авторы

© Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю., Исупова О. А., Пимонов А. Г., 2022

утверждают, что есть только один путь разрешения этой проблемной ситуации – проведение социально-экономической трансформации Кузбасса на принципах инклюзивности.

Ключевые слова

Кемеровская область – Кузбасс, экономический потенциал, инклюзивное развитие, индикаторы инклюзивности, индекс инклюзивности, анализ, стратегия развития, инструменты и институты

Источник финансирования

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках проекта «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5.

Для цитирования:

Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю., Исупова О. А., Пимонов А. Г. Инклюзивное развитие Кузбасса: опыт оценки // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 126–141. DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-126-141

Inclusive Development of Kuzbass: Assessment Experience

Yuri A. Fridman, Galina N. Rechko², Ekaterina Yu. Loginova³
Olga A. Isupova⁴, Alexander G. Pimonov⁵

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russia

¹yurifridman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3120-7197>

²rgn.kem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-4051>

³katrin.2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2743-3653>

⁴rinozerus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7200-9475>

⁵pag_vt@kuzstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9615-1895>

Abstract

The article is devoted to the problem of assessing the inclusive development of the economy of the Kemerovo Region—Kuzbass, the only coal mining region in Russia where it forms up to a third of the GRP and about 40 % of the income of the consolidated budget of the region. Numerous representatives of various scientific schools have been tracking the trends in the socio-economic development of this territory for 70 years and trying to assess its prospects. In recent years, an inclusive approach to assessing the effectiveness of the development of subjects of the Russian Federation has become increasingly widespread in local science. However, we are not aware of works that would give quantitative estimates of the inclusive development of Kuzbass not only as a particular region of Russia, but also as the only coal industry cluster. This article attempts to quantify the level of inclusive development of Kuzbass during the period 2005–2020. To do this, the authors took the WEF methodology as a basis and adapted the Inclusive Development Index indicators to calculate the regional inclusiveness index using publicly available statistical indicators. The results of the calculations show: in 2005–2020 neither the growth of industrial production, including the growth of coal mining, nor the stimulation of housing construction or projects in the field of scientific and technological development have led to an increase in the index of inclusive development in the Kemerovo region. At the same time, it has been proven that the inclusiveness index in Kuzbass is significantly lower than similar indicators for the development of neighboring regions of Siberia, including those with a similar economic structure. This may serve as a sign of the inefficiency of the current model and the tools used for the development of Kuzbass. The lack of inclusive growth of the Kuzbass economy over the past fifteen years, proved by the authors, casts doubt on the possibility of implementing accelerated growth programs in the Kemerovo region and making breakthroughs in inclusive development in the horizon of at least 10–15 years. The authors argue that there is only one way to resolve this problematic situation – the socio-economic transformation of Kuzbass based on the principles of inclusiveness.

к оценке ретроспективы развития региона, его конкурентных преимуществ, процессов диверсификации и перспектив сходятся во мнении, что причиной такого положения является низкое качество экономического роста (низкий уровень жизни населения, высокие социальные и экологические риски). Между тем именно качество экономического роста напрямую влияет на устойчивость развития региона и его способность противостоять внутренним и внешним шокам. Однако, используя традиционные методы оценки экономического роста посредством таких индикаторов, как валовой региональный продукт, которые не в полной мере учитывают социальную составляющую экономики, сложно выбрать эффективную модель, инструменты и институты регионального развития⁴. Один из вариантов решения этой методологической задачи дает применение инклюзивного подхода.

Цель настоящей статьи – оценить *качество экономического развития Кузбасса с учетом обеспечения инклюзивного роста*, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о неэффективности действующей модели развития региона и необходимости ее трансформации.

Методы

Концепция (идея) *инклюзивного, или социально ориентированного* экономического роста в последнее время стала популярной темой как в научной литературе, так и в документах международных организаций (Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирный банк, Азиатский банк развития и др.), национальных правительств⁵. Тем не менее, до сих пор не существует четкого, универсального, общепризнанного определения понятия инклюзивности⁶. Мы выделяем три преобладающих на текущий момент подхода (рис. 1).

Мы трактуем инклюзивность через идею социальной ориентированности экономического роста. При этом рассматриваем инклюзивность как понятие, близкое к устойчивому развитию⁷ (в научный лексикон даже введены термины «устойчивый инклюзивный рост», «социальная устойчивость»), но вместе с тем следует учитывать, что устойчивость – лишь одно из состояний инклюзивного роста. Мы разделяем позицию экспертов Всемирного экономического форума (ВЭФ): «инклюзивный рост должен содействовать развитию наиболее уязвимых групп населения в настоящем, а также учитывать потребности будущих поколений» [6]. Именно такое понимание инклюзивности позволяет рассматривать *необходимость обеспечения определенного уровня инклюзивности* в качестве важ-

⁴ Неслучайно в мировом экспертном сообществе все чаще поднимается вопрос о том, что использование валового внутреннего продукта (и его регионального аналога – ВРП) в качестве ключевого экономического показателя неэффективно и устарело.

⁵ Например, в последние годы Аналитический центр при Правительстве РФ периодически публикует доклады о человеческом развитии в Российской Федерации (URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/13773> (дата обращения 07.06.2022)).

⁶ Достаточно полный обзор литературы в контексте критического анализа предлагаемых определений и индикаторов инклюзивного развития дан, например, в статье [5].

⁷ Иногда эти термины рассматриваются как взаимодополняющие (URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6873#top-content (дата обращения: 11.03.2022)).

нейшего условия практической реализации социально-экономической концепции гармоничного развития. Это представляется чрезвычайно важным для российских регионов с ресурсной специализацией экономики (в их числе регионы с развитой угледобычей, и в первую очередь Кузбасс).

Рис. 1. Основные подходы к определению понятия «инклюзивный рост» и их наиболее яркие представители.

Источник: составлено по: [6–8]

Оценка инклюзивного развития предполагает разработку соответствующего инструментария для измерения степени инклюзивности экономического развития с помощью объективных индикаторов.

Наибольшую популярность получила методика ВЭФ для измерения индекса инклюзивного развития (Inclusive Development Index) с целью оценки национальных экономик [6]. Индекс включает двенадцать индикаторов, объединенных в три группы: «Рост и развитие», «Инклюзивность», «Межпоколенческое равенство и устойчивость».

В работах, посвященных оценке инклюзивного развития субъектов РФ, чаще всего как раз применяется методика Всемирного экономического форума, адаптированная к региональному уровню в части отдельных показателей, составляющих индекс ([5; 9; 10] и др.).

Некоторые авторы [11–12] оценивают инклюзивное развитие российских регионов, используя модифицированную методику Азиатского банка развития [13]. Другие предлагают подходы с учетом наличия и доступности данных, но методы оценки при этом являются опять же модификациями известных методик (см., например: [14–15]).

В рамках данного исследования для анализа инклюзивного развития экономики Кемеровской области – Кузбасса также использована методика ВЭФ с учетом наличия и доступности статистических региональных показателей (рис. 2).

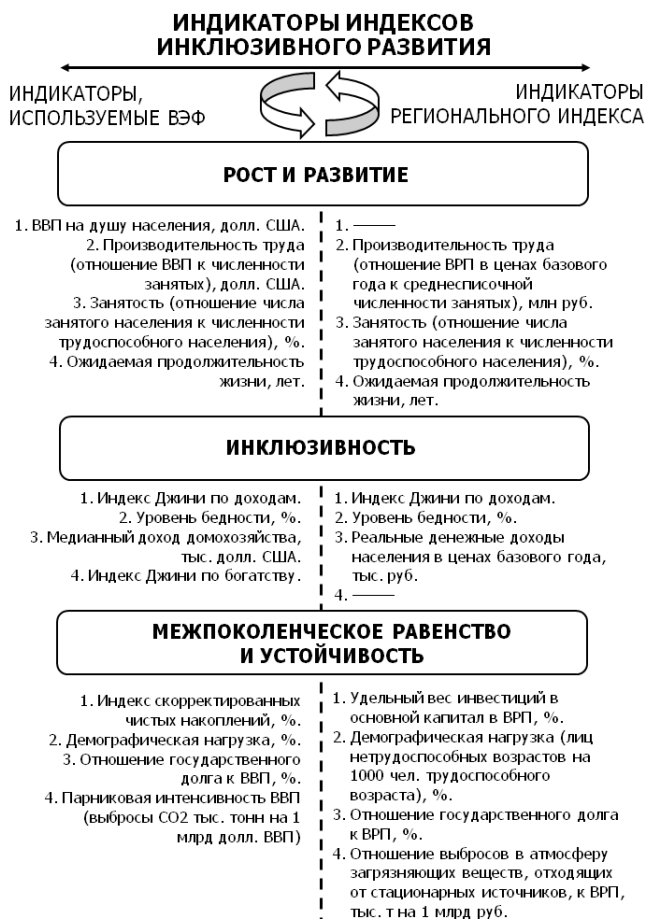

Рис. 2. Индикаторы индексов инклюзивного развития.

Источник: составлено по [6; 9]

Исходная информационная база исследования сформирована на основе открытых данных Росстата и Министерства финансов России за период 2005–2020 гг.

По каждому из трех блоков индикаторов рассчитаны вначале субиндексы, а затем сводный (интегральный) индекс инклюзивного развития – как их среднеарифметическое.

Результаты и обсуждение

Расчетная динамика субиндексов и сводного индекса инклюзивности представлена на рис. 3. Интегральный индекс инклюзивного развития Кузбасса в период 2005–2020 гг. в целом не показывает роста. Некоторая положительная динамика фиксировалась только в 2010–2012 гг., когда в регионе наблюдался пик инвестиционной активности. Небольшой рост интегрального индекса инклюзивности в 2018 г. связан с повышением цен на уголь на мировых рынках. Падение индекса инклюзивного развития в 2018–2020 гг. развеивает мифы кузбасских властей об «экономическом рывке» региона.

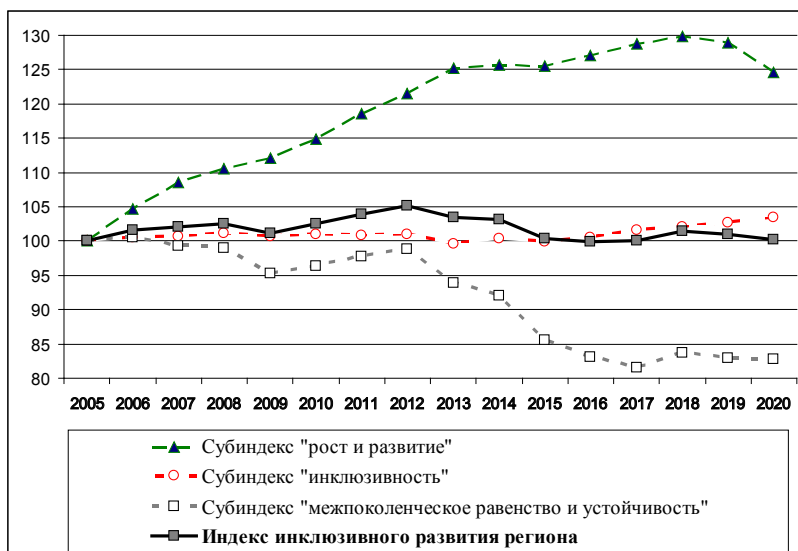

Рис. 3. Динамика интегрального индекса и субиндексов инклюзивного развития Кузбасса за период 2005–2020 гг. (2005 г. = 100 %)

Источник: рассчитано авторами

Субиндексы инклюзивного развития Кемеровской области имеют разнонаправленные векторы движения. Наибольшую положительную динамику демонстрирует только блок «Рост и развитие». В основном это связано с устойчивым ростом индикатора производительности труда в связи с технической модернизацией существующих и вводом новых мощностей в угольной промышленности,

металлургии, промышленности строительных материалов, а также применением импортного высокопроизводительного оборудования.

Индекс блока «Инклюзивность» фактически находится на уровне показателей 2005 г. Лишь в последнее время имеет место небольшой прирост индекса, на 2–3 % в 2019–2020 гг. Причины здесь в значительной степени имеют конъюнктурный характер. Индекс Джини по доходам⁸ в конце анализируемого периода в Кемеровской области несколько уменьшился, что обусловлено уменьшением доходов в первую очередь в угольном секторе региональной экономики. Уровень бедности до 2013 г. в регионе снижался, но затем резко превзошел отметку 2005 г. и ежегодно увеличивался до 2016 г., когда наметилась тенденция к снижению: по итогам 2020 г. показатель «уровень бедности» почти вернулся к отметке 2005 г. Реальные денежные доходы населения Кузбасса (в ценах базового, 2005 г.) росли до 2013 г., потом началось их снижение до показателей, близких к уровню середины 2000-х гг.

Особое внимание привлекает третий субиндекс «Межпоколенческое равенство и устойчивость». Он с 2007 г. демонстрирует отрицательную динамику и тянет вниз общий индекс инклюзивного развития Кемеровской области.

Во-первых, с 2015 г. в регионе не растут инвестиции в основной капитал (за 2015–2020 гг. они сократились почти на 30 % к уровню 2014 г.).

Во-вторых, повышается демографическая нагрузка, поскольку население Кузбасса стареет (средний возраст жителей региона за 2005–2020 гг. увеличился с 38 лет до более 40 лет).

В-третьих, начиная с 2012 г. растет долговая нагрузка на бюджет Кемеровской области. Сокращение доходов региональной казны в 2012–2014 гг. и стагнация экономики в 2015–2016 гг. при сохранении высоких социальных обязательств вынудили кузбасские власти принять решение о наращивании объемов заимствований из федерального бюджета и в коммерческих банках. Как следствие, уровень государственного долга Кемеровской области на начало 2017 г. достиг 62,9 млрд руб. (при размере доходов бюджета в этом году 134,3 млрд руб.), но по итогам года его удалось сократить в абсолютном исчислении на 7 млрд руб., плюс на 16 млрд руб. была осуществлена реструктуризация с рассрочкой на семь лет⁹. По результатам 2020 г. величина госдолга Кузбасса вновь приблизилась к рекордному для региона уровню – 61,8 млрд руб.¹⁰ (расчетная оценка: 5,95 % от ВРП).

В-четвертых, в Кузбассе не на должном уровне решаются экологические проблемы. Заметим, хотя регион и не объявлен официально зоной экологического бедствия, но целый ряд его территорий по факту ею является. Для иллюстрации этого обратимся к одному из отечественных экологических рейтингов «Кому на Руси дышать хорошо» (российское агентство АКРА). По итогам 2018 г. Кемеровская область оказалась в тройке территорий-аутсайдеров: предприятия в этих субъектах РФ «генерируют в ходе своей деятельности столь существенное количество

⁸ Чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

⁹ URL: http://www.sndko.ru/news_event_a/8246.html?month=1519837200 (дата обращения: 01.05.2021).

¹⁰ URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt/2020/ (дата обращения: 12.06.2022).

выбросов, стоков и отходов, что оно не перекрывается позитивным влиянием промышленности на экономику регионов и не может компенсировать экологический ущерб»¹¹.

Для полноты исследования важно видеть не только абсолютные значения инклюзивности развития в отдельно взятом регионе, но и проводить сравнительные оценки по нескольким регионам.

Кузбасс заметно отличается по динамике инклюзивного развития от соседних регионов Сибири (рис. 4). В рамках настоящего исследования Кемеровская область сравнивалась с ресурсным Красноярским краем [12; 15], сочетающей в себе ресурсно-индустриальный и инновационный векторы развития Томской областью [16], а также Новосибирской областью, которая является примером развития сибирских регионов по несырьевому пути [17].

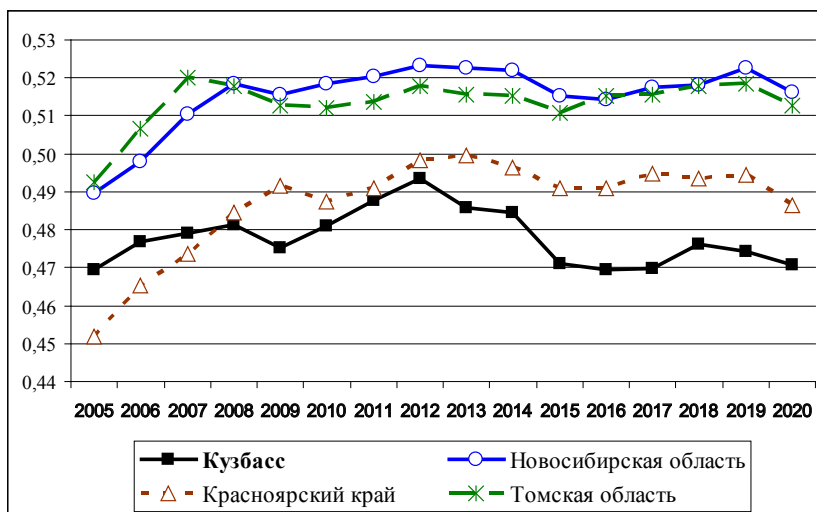

Рис. 4. Динамика индексов инклюзивного развития Кузбасса и соседних с ним сибирских регионов в период 2005–2020 гг.

Источник: рассчитано авторами

Как следует из рисунка 4, всем четырем регионам свойственна растущая динамика индекса инклюзивного развития по 2012 г. (исключением стал лишь посткризисный спад в 2009 г.). Это был период высоких экспортных цен на сырье, что создавало предпосылки для роста налогооблагаемой базы в ресурсных регионах (рост заработных плат и прибыли в сырьевых секторах, а значит, и увеличение налоговых поступлений в бюджет) и в целом способствовало экономическому и социальному благополучию субъектов РФ.

Вместе с тем кузбасский тренд инклюзивного развития в этот период заметно отстает по скорости от положительной динамики и ресурсного Красноярского

¹¹ Экологический рейтинг субъектов РФ «Кому на Руси дышать хорошо». URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2328/> (дата обращения: 15.03.2022).

края (стартовый уровень инклюзивности у него был самым низким), и изначально лидирующих по индексу инклюзивности Томской и Новосибирской областей. А с 2008 г. Кемеровская область оказалась среди них аутсайдером инклюзивного, или социально ориентированного экономического развития.

Оценки инклюзивности регионов при всей своей условности являются опосредованными оценками их моделей развития. И в данном случае они указывают на то, что региональная социально-экономическая политика в соседних с Кузбассом субъектах РФ оказалась более эффективной с позиции социального развития этих территорий, обеспечения их инклюзивного роста.

Безусловно, каждый регион обладает определенным потенциалом инклюзивности роста, он детерминирован ресурсными возможностями территории, зависит от имеющегося бэкграунда и траектории развития. Тем не менее, в Кузбассе, как показывают расчеты, взаимозависимость между экономическим благополучием региона (ВРП на душу населения) и инклюзивностью довольно слабая (коэффициент корреляции составляет всего 0,499). А между объемами добычи угля в регионе и индексом инклюзивного развития взаимозависимость и корреляция не только очень слабая, но и обратная (коэффициент корреляции показателей имеет отрицательное значение: $-0,266$). Это подтверждает динамика традиционных экономических индикаторов. В частности, более чем 40%-ный рост добычи угля в Кузбассе за последнее десятилетие практически не способствовал росту валового регионального продукта, сопровождался падением уровня жизни населения, нарастанием экологических проблем, отрицательной миграцией.

Для сравнения: коэффициент корреляции индекса инклюзивного развития с ВРП на душу населения в Новосибирской области равен 0,757 (высокая взаимозависимость), в Томской области составляет 0,641 (средняя корреляция), а в Красноярском крае достигает 0,837 (высокая взаимозависимость), что говорит о существовании сильной положительной связи между экономическим ростом этих субъектов РФ и ростом уровня их социального развития.

Таким образом, пример Кузбасса показывает: *обладание ресурсами не гарантирует высокий уровень инклюзивного развития для региона.*

Для успешного комплексного развития региона все составляющие процесса: экономическая, социальная, экологическая – должны развиваться одновременно и согласованно, что, полагаем, должно быть закреплено в документах стратегического планирования территории, а сам принцип инклюзивности должен быть положен в основу принятия управленческих решений на всех уровнях власти. Сегодня пока даже термин «инклюзивное развитие» почти не используется в стратегиях российских регионов.

Но все же попытаемся количественно (с учетом наличия и доступности индикаторов в прогнозах долгосрочного развития региона) оценить динамику инклюзивного развития для Кемеровской области – через сравнение фактической динамики с динамикой, которая содержится в сценариях действующей стратегии Кузбасса до 2035 г. (утв. в 2020 г.). В качестве базового для расчетов взят 2015 г., когда регион вернулся на позиции 2005 г., где и пребывал на конец рассматриваемого периода.

На рисунке 5 изображены две траектории: инклюзивное развитие Кузбасса в 2015–2020 гг. и возможные пути инклюзивного развития региона в период до 2035 г.

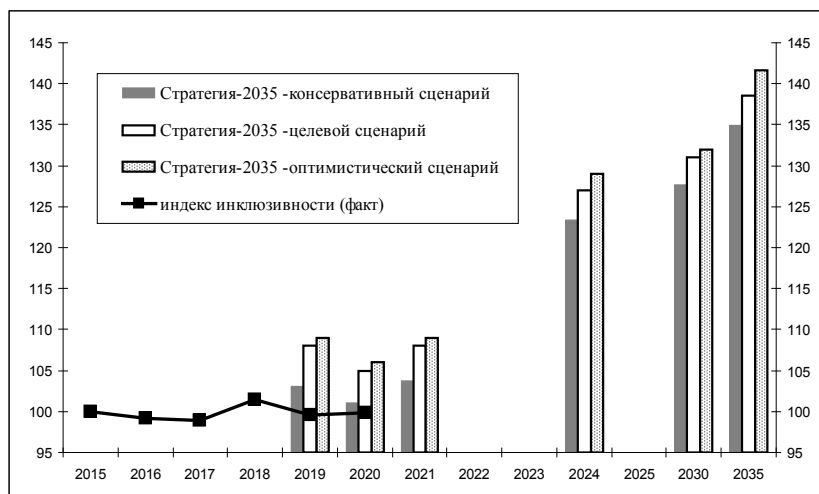

Рис. 5. Динамика индекса инклюзивного развития Кемеровской области – Кузбасса (2015 г. = 100 %): фактически и в сценариях стратегии региона до 2035 г. (утв. в 2020 г.).

Источник: расчеты авторов (исходная информация: данные Росстата за 2015–2020 гг. и целевые показатели из Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г.).

Действующая стратегия Кемеровской области до 2035 г. декларирует ускоренное развитие региона и выведение его в лидеры по росту уровня жизни. Но соотношение прогнозируемых индексов инклюзивного развития Кузбасса и их оценок по итогам 2019 и 2020 гг. (на фоне динамики предыдущих лет) позволяет усомниться в реализуемости заявленного: *ожидать рывка в инклюзивном развитии кузбасской экономики, по меньшей мере, нереалистично.*

Анализ качества экономического роста региона, имевшего место на протяжении полутора десятков лет, показывает, что наблюдавшийся рост в экономике, прежде всего в базовых отраслях, не способствовал улучшению качества и повышению уровня жизни местного населения, не оказывал серьезного влияния на решение актуальных экологических проблем. Это говорит о неэффективности используемых механизмов «социализации» ресурсно-экономического потенциала региона и отсутствии в нынешних условиях работоспособной платформы для совершения задуманного идеологами стратегии рывка в развитии Кемеровской области – Кузбасса.

Выводы

Проведенное исследование инклюзивного развития Кузбасса в 2005–2020 гг. дает основания сделать вывод: *экономический рост региона не обеспечивает адекватный рост уровня жизни его населения*. Угольная отрасль, будучи драйвером кузбасской экономики, все эти годы работает в парадигме финансово-экономической, а не социально-экономической эффективности.

Знаменитая «социально ориентированная модель» управления регионом, выстроенная властями Кемеровской области в период 2005–2018 гг. за счет использования «бюджетных и небюджетных возможностей», на самом деле вполне органично сочеталась с колониальной по своей сути моделью освоения природно-ресурсного потенциала Кузбасса.

В то время как соседние регионы, наоборот, делали попытки найти и внедрить оптимальные для себя практики инклюзивного развития – и к настоящему моменту уже добились существенных результатов.

Кузбассу необходимо пересмотреть свою стратегию развития и парадигму, в которой сегодня существует регион: они должны быть ориентированы на устойчивое инклюзивное развитие. Полагаем, главным инструментом решения этой задачи может стать глубокая трансформация социально-экономической системы Кемеровской области.

Список литературы

1. **Петренко И. Е.** Итоги работы угольной промышленности России за 2021 год // Уголь. 2022. № 3. С. 9–23. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-3-9-23.
2. **Крюков В. А., Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю.** Кузбасс в новом времени / Под ред. В. В. Кулешова, В. Е. Селиверстова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 179 с.
3. Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса / Под ред. В. Л. Квинта. Кемерово: КемГУ, 2020. 440 с.
4. Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива / Под ред. В. Л. Квинта. Кемерово: КемГУ, 2022. 283 с.
5. **Rytova E., Gutman S., Sousa C.** Regional Inclusive Development: An Assessment of Russian Regions. *Sustainability*, 2021, vol. 13 (11), 5773. DOI: 10.3390/su13115773. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/11/5773/htm> (дата обращения: 01.06.2022).
6. **Samans R., Blanke J., Drzeniek M., Corrigan G.** *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Geneva, Switzerland: World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2017.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
7. **Hasmath R.** *Inclusive growth, development and welfare policy: A critical assessment*. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2015, 293 p. DOI:10.4324/9781315732626.
8. **Feshari M., Valibeigi M.** Determinants of inclusive growth in iranian regions (sure approach in panel data). *Regional Science Inquiry*, 2017, vol. 9 (1), pp. 167–175.

9. **Барина В. А., Земцов С. П.** Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 1. С. 23–46.
10. **Заводских А. А.** Построение индекса инклюзивного развития регионов // *Псковский регионологический журнал*. 2020. № 2. С. 19–41.
11. **Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В.** Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 1. С. 213–236.
12. **Поподыко Г. И.** Инклюзивное развитие ресурсного региона // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2021. № 1. Номер статьи: 6524. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-24. URL: <https://eee-region.ru/article/6524/> (дата обращения: 01.03.2022).
13. Key Indicators for Asia and the Pacific 2014: Framework of Inclusive Growth Indicators, Special Supplement. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014, 118 p. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014—special-supplement.pdf> (дата обращения: 23.05.2022).
14. **Mikhееva N.** Qualitative aspect of the regional growth in Russia: Inclusive development index. *Regional Science Policy & Practice*, 2020, vol. 12 (4), pp. 611–626.
15. **Нагаева О. С.** Анализ уровня инклюзивного развития в ресурсных и нересурсных регионах России // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2022. № 1. Номер статьи: 6905. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-5. URL: <https://eee-region.ru/article/6905/> (дата обращения: 01.06.2022).
16. Томская область: трудный выбор своего пути / Под ред. Кулешова В. В. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 260 с.
17. **Крюков В. А., Селиверстов В. Е.** Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. 123 с.

References

1. **Petrenko I. E.** Russia's coal industry performance for 2021. *Coal journal*, 2022, no. 3, pp. 27–43. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-3-9-23 (in Russ.).
2. **Krjukov V. A., Fridman Yu. A., Rechko G. N., Loginova E. Yu.** *Kuzbass in a new age*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 2020, 179 p. (In Russ.).
3. **Kvint V. L. (ed).** *Strategizing the human capacity of the Kuzbass region*. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2020, 440 p. (in Russ.).
4. **Kvint V. L. (ed).** *A conceptual future for the Kuzbass region: strategic outlines of developmental priorities through 2071, a 50-year perspective*. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2022, 283 p. (in Russ.).
5. **Rytova E., Gutman S., Sousa C.** Regional Inclusive Development: An Assessment of Russian Regions. *Sustainability*, 2021, vol. 13 (11), 5773. DOI: 10.3390/su13115773. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/11/5773/htm> (Date of access: 01.06.2022).

6. **Samans R., Blanke J., Drzeniek M., Corrigan G.** *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Geneva, Switzerland: World Economic Forum. [Electronic source] Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2017.pdf (Date of access: 15.05.2022).
7. **Hasmath R.** Inclusive growth, development and welfare policy: A critical assessment. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2015, 293 p. DOI:10.4324/9781315732626.
8. **Feshari M., Valibeigi M.** Determinants of inclusive growth in Iranian regions (sure approach in panel data). *Regional Science Inquiry*, 2017, vol. 9 (1), pp. 167–175.
9. **Barinova V. A., Zemtsov S. P.** Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Region: Economics & Sociology*, 2019, no. 1 (101), pp. 23–46. (in Russ.).
10. **Zavodskikh A. A.** The calculation of the regional inclusive development index. *Pskov regional studies journal*, 2020, no. 2(42), pp. 19–41. (In Russ.).
11. **Sevastyanova A. E., Tokarev A. N., Shmat V. V.** Application features of inclusive development concept in resource regions. *Region: Economics & Sociology*, 2017, no. 1 (93), pp. 213–236. (in Russ.).
12. **Popodko G. I.** The inclusive development of the resource region. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 2021, no. 1 (65). DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-24. Available at: <https://eee-region.ru/article/6524/> (Date of access: 01.03.2022). (In Russ.).
13. Key Indicators for Asia and the Pacific 2014: Framework of Inclusive Growth Indicators, Special Supplement. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014, 118 p. [Electronic source] Available at: [http://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014 — special-supplement.pdf](http://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014_-_special-supplement.pdf) (Date of access: 23.05.2022).
14. **Mikheeva N.** Qualitative aspect of the regional growth in Russia: Inclusive development index. *Regional Science Policy & Practice*, 2020, vol. 12 (4), pp. 611–626.
15. **Nagayeva O. S.** Analysis of inclusive development in resource-dependent and non-resource regions of Russia. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 2022, no. 1 (69). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-5. Available at: <https://eee-region.ru/article/6905/> (Date of access: 01.06.2022). (In Russ.).
16. **Kuleshov V. V.** (ed). *Tomsk region: difficult choice of local way*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 2014, 260 p. (In Russ.).
17. **Krjukov V. A., Seliverstov V. E.** *Economy of Siberia: difficult way to synergy of natural resource and human capacity, connectivity area and interests between federal centre and regions*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 2022, 123 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Фридман Юрий Абрамович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID: 56501744100
SPIN-РИНЦ: 7147-2303

Речко Галина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID: 56502259700

SPIN-РИНЦ: 4530-0126

Логинова Екатерина Юрьевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID: 57198243839

SPIN-РИНЦ: 9061-2690

Исупова Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

SPIN-РИНЦ: 1893-0047

Пимонов Александр Григорьевич, доктор технических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID: 56502051400

SPIN-РИНЦ: 9858-5973

Information of the Authors

Yuri A. Friedman, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID: 56501744100

SPIN-RSCI: 7147-2303

Galina N. Rechko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID: 56502259700

SPIN-RSCI: 4530-0126

Ekaterina Yu. Loginova, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID: 57198243839

SPIN-RSCI: 9061-2690

Olga A. Isupova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

SPIN-RSCI: 1893-0047

Alexander G. Pimonov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher,
Institute of Economics and Industrial Production Organization SB RAS
(Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID: 56502051400

SPIN-RSCI: 9858-5973

*Статья поступила в редакцию 24.06.2022;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.06.2022*

*The article was submitted 24.06.2022;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 30.06.2022*